

MONGOLICA-XII

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 130-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова (1884–1931)

М. В. Оськин

«Особая» Экспедиция П. К. Козлова в Монголии в период Первой мировой войны (1915—1917)

В статье рассматривается история связанной с массовой закупкой скота и мяса деятельности «Особой» Экспедиции министерства земледелия в Монголии (Монголэкс) во время Первой мировой войны. В условиях кризиса мясного снабжения в России, связанного с громадным потреблением мясопродуктов армией, большое значение стали играть закупки мяса и скота в соседних странах. Наиболее крупной закупочной структурой стала организация Монголэкс, которую возглавил известный русский путешественник и знаток Центральной Азии полковник П. К. Козлов. Надлежащее выполнение организацией своих задач имело следствием сосредоточение на складах и станциях Восточной Сибири мяса, вывезти которое в Европейскую Россию своевременно не удалось. Этот факт был использован оппозицией в борьбе за власть путем вброса в прессу сведений о якобы «гниющем» зимой 1917 г. за Уралом мясе. В любом случае, русские закупки продуктов в Монголии и Маньчжурии немало сгладили неблагоприятное развитие продовольственного кризиса в России. Деятельность Монголэкса позволила обеспечить мясом русскую Сибирь и частично — фронт русской армии.

Ключевые слова: «Особая» Экспедиция, закупка мясных продуктов, кризис мясного снабжения, Петр Кузьмич Козлов.

Зима 1916/1917 г. стала судьбоносной для Российской империи. Кризис снабжения, снежные заторы на железных дорогах, нехватка продовольствия в крупных городах и на фронте, разгром Румынии — все эти факторы как нельзя лучше играли на руку либерально-буржуазной оппозиции, вплотную приступившей к подготовке дворцового переворота. В условиях усиления антиправительственной пропаганды любой более-менее правдоподобный слух, дискредитировавший центральную власть, способствовал падению популярности и легитимности режима последнего императора Николая II, приближая революционный взрыв.

В начале 1917 г. Петроград и другие города Центральной России были взбудоражены новостью из-за Урала, где якобы гнили миллионы пудов мяса — продукта, который к этому моменту становился уже дефицитным. Попытка Главноуполномоченного министра земледелия по закупкам хлеба для армии Н. А. Мельникова дать опровержение в газете «Новое время» от 2 февраля 1917 г. была неудачной — общество предпочитало не верить правительственным служащим. Февральская революция вплотную приблизилась к России.

Что же это было за мясо и почему данная проблема оказалась столь значима?

Подготовка Российской империи к Первой мировой войне 1914—1918 гг., помимо всего прочего, включала в себя и организацию продовольственного снабжения фронта и тыла. В этом отношении, как представлялось, Россия не должна испытывать осо-

рых трудностей — накануне Первой мировой войны империя производила 86 млн тонн хлебов, 32 млн тонн картофеля, 5 млн тонн мяса, 29 млн тонн молока, 11 млн тонн сахарной свеклы; «имея 7,8 % населения мира, Россия давала более 25 % мирового производства зерна» [Тюкавкин, Щагин, 1987. С. 48]. Избыток хлебов в России, экспортировавшийся в соседние страны, насчитывал перед войной 656 млн пудов хлеба и 20 млн пудов картофеля. В связи с введением сухого закона и, следовательно, отсутствием в войсках винной порции, российское военное министерство 25 августа 1914 г. повысило в войсках мясную дачу — до 615 граммов в сутки, сознавая, что «катака без мясной порции — плохая атака» [Свечин, 2005. С. 56].

В 1915 г. годовое потребление мяса армией составило 60 % довоенного потребления всем населением России, и в 1916 г. перед страной в полный рост встала проблема мясного довольствия фронта и снабжения мясом страны вообще. Только для потребностей армии в 1916 г. годовой план отводил наряд в 40,8 млн пудов [Бреславец, 1918. С. 13—15, 43—45], ввиду чего на фронте стали вводить мясопустные дни. 31 мая 1916 г. Государственной думой был принят законопроект о сокращении потребления мяса, запрещающий продажу мясных продуктов со вторника по пятницу. Определяя общий запас мяса на 1917 г. в количестве свыше 80 млн пуд., Особое Собрание по продовольствию установило потребность в размере 76 499 600 пудов, в том числе: армии — 43 млн пудов (56,2 %), тыловым воинским

частям — 6,6 млн (8,6 %), внутренним округам — 3,9 млн (5,1 %), флоту — 0,9 млн (1,2 %). Всего войскам — 54,4 млн пудов мяса — 71,1 % от общей потребности страны [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 131. Л. 11 об.]. Только на январь—февраль 1917 г. управляющий министерством земледелия А. А. Риттих, отвечавший за продовольствие страны, 18 января 1917 г. затребовал 9 530 284 пуда мяса и 780 610 пудов свиного сала [ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 68. Л. 65—67]. Сокращение численности крупного рогатого скота и свиного поголовья в России в связи с резким ростом потребления мяса армией и отчасти деревней уже в первый год войны сделали данный вопрос весьма значимым для дальнейшей жизни Российской империи.

С открытием военных действий заготовка мясопродуктов была возложена на Главноуполномоченного Совета Министров С. Н. Ленина и вице-директора рыбного отдела И. К. Окулича. Ленин и Окулич занимались этим еще во время русско-японской войны 1904—1905 гг., поэтому и теперь, в годы Первой мировой войны, их опыт оказался востребованным. На местах, как и во время хлебозаготовок, работали уполномоченные министерства земледелия. Закупка мяса в основном производилась через посредничество крупных скотопромышленников (процент прямых поставок скота от населения был невелик), ибо война предполагалась мероприятием недолгим (не более года), а скотопромышленники сдавали продукт в массовом порядке, что было удобно и практично.

В 1915 г. стало окончательно ясно, что война затягивается на неопределенный срок. Поэтому, в целях сохранения отечественного скотоводства, Главное Управление землеустройства и земледелия (с 1915 г. — министерство земледелия), на которое с началом войны была возложена задача продовольственного обеспечения России, организовало, на основании постановления Совета Министров, несколько специальных Экспедиций на окраины империи и в нейтральные страны Востока. Тем самым русское правительство подключило к делу снабжения воюющей страны Сибирь, Туркестан, Семиречье, Персию, Монголию, Маньчжурию (Северный Китай) и даже Австралию.

Наиболее крупной стала «Особая» экспедиция полковника П. К. Козлова — Монголэкс, созданная по Высочайшему повелению в июне 1915 г. для закупок скота в Монголии и некоторых районах Сибири, тем более что император был лично знаком с Козловым. Штаб Монголэкса, подотчетного Иркутской Контрольной Палате, расположился в Иркутске, после чего его участники занялись скупкой скота в Монголии, Маньчжурии и Восточной Сибири. Монголия и Маньчжурия являлись объектом пристального внимания русских и ранее — до войны в Европейскую Россию из-за Урала ввозилось более 2 млн пудов мяса, и существенную его часть составляло монгольское мясо [Даревская, 1994. С. 26—31]. В 1914—1915 гг. экспедиция полковника А. Н. Карцова закупила в Монголии 90 тыс. голов скота,

столкнувшись здесь с конкурентными действиями германской агентуры: «На германские деньги китайские купцы скупают большие партии скота и часто превращают его в консервы на имеющихся и вновь выстроенных заводах в Шанхае и других городах, частью же отгоняют крупные партии вглубь Китая, лишь бы не достались в русские руки» [Полонский, 1917. С. 29].

Петр Кузьмич Козлов — герой русско-японской войны и георгиевский кавалер, гораздо более известен как выдающийся русский путешественник и ученый мирового уровня и значения, ученик и соратник Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова и В. И. Роберковского. Монголо-Сычуаньская экспедиция 1907—1908 гг. позволила открыть и изучить наследие уничтоженной монгольскими завоевателями цивилизации государства тангутов: раскопки города Хара-Хото обогатили мировую культуру ранее неизвестными памятниками буддийской культуры. В начале Первой мировой войны полковник П. К. Козлов занимал пост коменданта города Тарнув — небольшого польского городка Австро-Венгрии, занятого русскими войсками осенью 1914 г. В ходе Горлицкого прорыва апреля—мая 1915 г. австро-германцы отбили Тарнув, и полковник Козлов вскоре пригодился как знаток Центральной Азии.

Чинами управления «Особой» экспедиции в основном являлись ветеринары, так как недопущение эпизоотий для закупаемого скота стало одной из важнейших задач Монголэкса. Одним из уполномоченных министерства земледелия в распоряжении П. К. Козлова стал Ц. Г. Бадмажапов (хорунжий в отставке), отвечавший за работу в столичном Ургинском районе Монголии — казак-бурят, друг и спутник Козлова по Монголо-Камской экспедиции 1899—1901 гг. Именно он в 1907 г. обнаружил развалины древнего тангутского города Хара-Хото, который в 1908 г. был изучен Монголо-Сычуаньской экспедицией Козлова, и потому некоторыми учеными с основанием считается настоящим первооткрывателем этой культуры. Также, уполномоченными были ветеринарный начальник 2-го участка Иркутского уезда В. Г. Гей, который отвечал за западный район Монголии с Кобдосским уездом; крестьянский начальник 2-го участка В. Г. Кокоулин, отвечавший за Сибирский район Монголии с включением под его ответственность восточной части Томской, Енисейской и Иркутской губерний, а также Забайкальской области; ветеринарный врач А. С. Мещерский, работавший в районе станции Куаньченцы в Южной Маньчжурии. С сентября 1915 г. главным помощником П. К. Козлова стал Андрей Александрович Дудукалов — заведующий ветеринарной частью экспедиции, ветеринарный инспектор, перед войной — главный ветеринарный врач Читинского района, который контролировал ветеринарию в Северном Китае и Монголии. Именно он после Февральской революции сменил произведенного в конце 1916 г. в генерал-майоры П. К. Козлова на посту начальника Монголэкса.

С июля 1915 г. по 1 января 1916 г. «Особая» экспедиция заготовила до 600 тыс. пудов говядины и баранины; в 1916 г. — свыше миллиона пудов [ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1527. Л. 1]. По данным И. М. Майского, Экспедиция закупила более 300 тыс. голов скота [Майский, 1921. С. 133], однако даже эта цифра была лишь 1/19 частью от общей потребности страны в мясе на 1917 г. Однако увеличение закупок за Уралом в 1916 г. стало следствием нарастающего истощения скотоводства в европейской части России. К 1916 г., как сообщает один из современников-специалистов сельского хозяйства, «недостаток рабочих рук побуждал крестьян продавать весь „лишний“ скот, пользуясь высокими ценами. К этому же побуждали и слухи о возможности реквизиции. По сведениям курганского отдела Московского общества сельского хозяйства, почти весь „гулевой“ скот продан. Пошли на бойню не только бракуемые коровы и полновозрастные бычки и яловки, но нередко и „полуторники“, и „зеленчуки“ — телята, которые еще обычно год-два оставались в хозяйстве. За очень немногими исключениями, у крестьян остался только продуктивный скот. В настоящем году продавать больше нечего» [Маслов, 1916. С. 44]. Зимой 1917 г. европейские губернии России отказывались от поставок скота, согласно требованиям Особого Совещания по продовольствию, мотивируя свой отказ отсутствием скота. Например, Тульская губернская земская Управа определяла максимальное количество скота, которое могло быть реквизировано в 1917 г., цифрой в 10 тыс. голов, а Главноуполномоченный Мельников требовал 51 993 головы [ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 33. Л. 210 об.—212]. Похожая ситуация наблюдалась во всех регионах, и потому монголо-сибирское мясо чрезвычайно требовалось воюющей стране.

Со второй половины 1916 г. главную роль при закупках на Востоке стали играть два обстоятельства: чрезвычайная потребность в серебре и проблема транспорта. В ходе войны инфляционные процессы привели к падению валюты всех стран-участниц войны. К тому же Россия не могла платить за продовольствие и теми товарами, что до войны также играли роль своеобразной валюты: прежде всего это «кирпичи» зеленого чая, затем — мануфактурная продукция и разнообразная мелочь, пригодная в быту монгола. Поэтому кочевники азиатских территорий, и без того не очень жалующие бумажные деньги, стали требовать в уплату исключительно драгметаллы — весовое серебро в виде слитков различной величины и веса. В ходе войны вывоз металлов из России был воспрещен, однако в наличии имелось серебро, в основном ранее приобретенное в Германии (через Гамбург и Франкфурт-на-Майне) и находящееся в запасах Государственного Казначейства. Значительность русских закупок (в 1915 г. на заготовки ассигновали 3438 тыс. руб., в 1916 — 20 639, в 1917 — 32 165 тыс. руб. [Майский, 1921. С. 214]) наводнила Монголию русскими деньгами без надлежащего товарного обеспечения, это привело к росту

цен и отрицательно сказалось на частной торговле, которая к 1917 г. испытывала большие затруднения. Если до войны монголы охотно брали в уплату за скот русские бумажные деньги, обладавшие высокой инфляционной надежностью, то к концу 1916 г., вследствие падения курса в четыре раза, ставка была сделана на серебро.

Во-вторых, доставка сибирского и монгольского скота в Центральную Россию и на фронт напрямую зависела от возможностей транспорта, и без того перегруженного стратегическими грузами, идущими из Владивостока. Ведь кроме вооружения и необходимых материалов, завозимых из США и Японии, во Владивосток и Хабаровск поставлялись продукты (особенно рис) из Китая и Кореи. Чтобы частично увеличить железнодорожные мощности, Министерство путей сообщения заказало в США паровозы, вагоны и рельсы, ибо часть железнодорожного транспорта по разным причинам не возвращалась с запада страны, а Владивосток был забит военными стратегическими грузами и продовольствием. Более 13 тыс. американских вагонов стали существенным подспорьем в дальневосточных перевозках, увеличив в 1916 г. объем перевезенных на запад грузов на 62 %, по сравнению с предыдущим годом. Однако осенью 1916 г. на Дальнем Востоке стал назревать транспортный кризис, так как к этому времени паровозный и вагонный парк, полученные из США, были исчерпаны, а грузопоток лишь увеличивался. Свою роль сыграла и слабость железнодорожной сети, хотя для увеличения пропускной способности и поступления транзитных грузов из Сибири и Дальнего Востока делали все возможное. Так, в 1916 г. завершилось строительство мостов через Амур у Хабаровска и через Волгу у Симбирска: ранее Сибирь и Туркестан соединялись с Центральной Россией только одним-единственным мостом через Волгу у селения Батраки близ Сызрани [Иконникова, 1999. С. 66—68, 93—94, 99].

Парадоксально, но при огромном количестве мяса в Монголии не хватало хлеба. До войны треть закупаемого Монголией хлеба поступала из России, две трети — из Китая. В связи с нарастающим продовольственным кризисом русская сторона не только не могла поставить монголам требуемое количество хлеба, но затруднялась снабжать и тех русских, что работали в Монголии. В конце 1916 г. в районах Внешней Монголии находилось около 8 тыс. едоков русского населения — чиновники, солдаты, семьи русских служащих, рабочие золотопромышленного общества «Монголор». Из Монголии просили Главноуполномоченного по закупке хлеба для армии А. А. Риттиха давать ежемесячно 16 729 пудов муки. Перед тем мука закупалась в Новониколаевске (ныне — Новосибирск) Омской губернии, но после введения запретительных мер (разрешение на вывоз продуктов давалось исключительно региональным уполномоченным) самостоятельная закупка хлеба стала невозможной [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1582. Л. 234].

Именно деятельность «Особой» экспедиции невольно и стала причиной и источником слухов о «гниющем мясе», захлестнувших столицу империи незадолго до Февральской революции. И одним из первых таких источников столичных слухов стало письмо некоего И. М. Иванова из Иркутска от 6 января 1917 г. члену Государственной думы и одному из видных оппозиционеров Н. В. Некрасову в Петроград о том, что Монгольская экспедиция уменьшила поголовье скота в Сибири и повысила цены на мясо. Притом «из всего этого количества до сего времени не вывезено ни пуда» и, следовательно, как минимум 2 млн пудов обречено сгнить. Далее Иванов пишет: «Это ли не безумие казенного хозяйства? Здесь говорят, что все это делается для того, чтобы вызвать в народе беспорядки и заключить позорный мир с германцами». «К чему сия безумная покупка и убой скота, если нет возможности вывезти?» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44. Л. 286]. Таким образом, объективное падение железнодорожных мощностей, связанное с массовыми перевозками 1916 г., и выполнение «Особой» экспедицией ее долга и поставленных перед ней задач стали трактоваться как намерение властей спровоцировать население на бунт и затем, после его подавления, пойти на сепаратный мир. Бесспорно, такое умозаключение требовало громадной предварительной подготовки массовой психологии антиправительственной пропагандой.

Так или иначе, кризис транспорта прогрессирует, и на Совещании высших чинов и министров в Ставке Верховного Главнокомандования в конце 1916 г. представители МПС заявили о невозможности «систематического пропуска из Сибири ни одного вагона со скотом или мясом» [Журнал... 1917. С. 7], хотя потребность войск в жирах в этот период удовлетворялась по преимуществу сибирским маслом и салом [ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 387. Л. 25]. К середине января на станции Маньчжурия скопилось до миллиона пудов заготовленного «Особой» экспедицией мяса, для вывоза которого требовалось не менее 80 вагонов в день, но возможным было подавать лишь 12—13 вагонов [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44. Л. 281]. Пример обратной циркуляции слухов дает письмо некоей З. М. Исаевой Начальнику штаба верховного Главнокомандующего ген. М. В. Алексею со станции Маньчжурия (где якобы «гнило» мясо) о проблемах Петрограда. Ничтоже сумняшеся, Исаева утверждала, что «в Петрограде нет белой муки, а недавно городская Управа спустила в Неву 2 млн пудов белой муки». Нимало не сомневаясь в достоверности своей информации, женщина просила во избежание подобной ситуации в Сибири командировать сюда «неподкупных людей», одним из которых называется В. М. Пуришкевич [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Л. 46—47], чья «неподкупность» вполне очевидно связана с участием в убийстве Г. Е. Распутина в декабре 1916 г.

Между тем негативные сведения из Сибири продолжали поступать в различные ведомства. Новониколаевский отдел «Союза русского народа» Томской

губернии 16 января 1917 г. выслал телеграммы министру земледелия, премьер-министру, членам Государственной думы, сообщающие, что на линии Алтайской железной дороги от Семипалатинска до Новониколаевска находится 2,5 млн пудов мяса, «какое за неимением крытых складов большей частью лежит на открытом месте». Столько же — на линии Омской железной дороги. Надо эти 5 млн пудов вывезти до середины февраля, «иначе мясо подвергнется порче», а если вывезти в холодильники невозможно, то следует все это мясо засолить [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44. Л. 282]. Несколько ранее, 11 января, окружной интендант Приамурского военного округа Ф. П. Шелехов, сообщая сходную информацию, просил Главное интендантское управление уступить часть этого мяса ведомствам, городам и управлениям Сибири и Дальнего Востока, в том числе передать немедленно 45 тыс. пудов во Владивостокский холодильник [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Л. 1—2].

Министерство внутренних дел, отвечавшее за порядок в империи, сделало запросы в Министерство земледелия и МПС, ссылаясь на данную информацию и письмо Иванова. В ответ 19 января министр путей сообщения Э. Б. Кригер-Войновский указал, что в начале января вопрос о вывозе мяса Монгольской экспедиции был рассмотрен в Распорядительном комитете МПС, и было его в наличии всего 1 млн пудов. Меры МПС предусматривают 450 тыс. пудов вывезти в Европейскую Россию, 300 тыс. — в Курганский холодильник, 250 тыс. — законсервировать. До 10 февраля ежедневно будет выходить поезд в 36 вагонов, затем еще подадут 15 дополнительных поездов по 36 вагонов. По сведениям же министра земледелия А. А. Риттиха, погрузка мяса Монгольской экспедиции началась 17 января, и до 1 февраля было погружено уже 573 вагона [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44. Л. 319].

Тем не менее делопроизводитель МВД С. А. Куколь-Яснопольский по заданию своего шефа — министра А. Д. Протопопова 23 января сообщил Риттиху: «в МВД получены сведения, что Монгольская экспедиция полковника Козлова, организовав массовую скупку и убой скота и создав тем самым подъем цен на мясо и сокращение численности скота в Сибири, успела заготовить в Монголии и Сибири до 3 млн пуд. мяса. Все это количество остается до сего времени не вывезенным, так что, даже при условии подачи вагонов в конце января или начале февраля, во всяком случае, едва ли представится возможным вывезти более трети запаса, остальные же две трети мяса, сложенные, за отсутствием в Сибири соответственного количества холодильников или ледников, в амбарах или хранящиеся на улице под прикрытием брезента, неизбежно сгниют. Слухи о предстоящей гибели столь значительного количества ценного пищевого продукта, в связи с созданным, благодаря широкому размеру этой операции, ущербом скотоводству Сибири и продовольствию населения, без всякой притом пользы и для самой казны — вызы-

вают в среде местного населения толки и нарекания на непредусмотрительность организаторов этого дела, не озаботившихся будто бы заблаговременным выяснением возможности вывоза мяса» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44. Л. 285]. Черносотенцы опять-таки подливали масла в огонь. Новониколаевский отдел «Союза русского народа» 25 января в дополнение к письму от 16 января сообщал, что на станции Маньчжурия скопилось 500 тыс. пудов свежей рыбы. Ее надо вывозить в крупные центры для засолки, так как здесь соли нет и нет помещений для этого. И самое главное: «считаем преступным если бы такой вопиющий факт замолчали» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44. Л. 296]. К сожалению, эти факты, многократно раздутые слухами и сплетнями, не были «замолчаны» и вложили свою скромную лепту в готовность людей к революционному перевороту. Ситуация осложнялась и тем фактом, что в районе Алтайской железной дороги другой уполномоченный министерства земледелия, Морозов, заготовил еще 900 тыс. пудов мясopодуков [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Л. 27—28].

Обстановка вокруг закупки и вывоза мяса из Сибири усугублялась деятельностью разнообразных организаций и частных торговцев, как правило, действовавших в качестве агентов этих организаций. Не получая в централизованном порядке надлежащего количества продуктов, зимой 1916/1917 г. городские думы и управы, равно как и тыловые гарнизоны и отдельные фронтовые части и соединения, пытались самостоятельно закупать продовольствие. Председатель читинского Биржевого комитета Чернин 21 января 1917 г. писал в Особое Совещание по продовольствию члену Государственной думы Н. К. Волкову: на станции Маньчжурия скопилось несколько десятков тысяч пудов мяса, закупленного частными торговцами для городов Европейской России. «Если мясо не будет вывезено в течение ближайшего месяца, оно обречено на порчу и гибель, ввиду отсутствия холодильников во всем Забайкалье». Просьба Чернина — как можно скорее вывозить мясо не менее чем по два вагона в сутки [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44. Л. 277]. 27 января МВД сообщило Чернину, что «все вагоны для вывозки мороженого мяса Сибири находятся в распоряжении Главноуполномоченного Мельникова и им предназначены для вывозки казенного мяса, заготовленного экспедицией генерала Козлова, а потому до полного окончания этой операции комитету не может быть уделено ни одного вагона» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44. Л. 288]. В числе прочих мясopодуков в Сибири закупались и Москвой. Так, 6 февраля 1917 г. Эксплуатационный отдел министерства земледелия сообщил московскому городскому голове М. В. Челнокову, что на заседании Распорядительного комитета 31 января было решено отказать Москве в самостоятельном вывозе мяса из Маньчжурии и Монголии, «ввиду полного заполнения норм выходов из Сибири по Екатеринбург и Челябинску» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44. Л. 297]. Иными словами — вследствие

невозможности транспорта выполнить свои задачи. Нет сомнений, что взаимоисключающие действия центральных структур Минзема, МПС и общественных организаций лишь усугубляли проблему.

Точку во внутриведомственных спорах поставил министр земледелия А. А. Риттих, который 8 февраля 1917 г. ответил Протопопову: «сведения МВД о количестве монгольского и вообще заготовленного в Азиатской России мяса значительно преувеличены, так как, согласно данным министерства земледелия, запасы этого мяса к 1 января 1917 г. не превышали 2 млн пудов». По информации Риттиха, за январь было отправлено из Сибири около 1900 вагонов, за последние дни каждый день давали более 100 вагонов. По данным начальника Монгольской экспедиции генерала Козлова, наличное мясо к 9 января составило цифру всего в 920 тыс. пудов, а вывоз его с 17 января регулярно идет поездами по 36 вагонов в сутки: «По последним сведениям Монгольской экспедиции, на 1 февраля остается не вывезенного мяса около 600 тыс. пудов». Также 250 тыс. пудов мяса остается на Алтайской железной дороге, но: «В Западной Сибири в районе Кургана и Петропавловска не только нет никаких залежей мяса, а даже ощущается некоторый недостаток его для консервных заводов». Риттих обещал, что то мясо, которое не будет вывезено, будет засолено на месте, и потому «в настоящее время нет никаких оснований для опасения за мясо, заготовленное вышеуказанной Монгольской экспедицией» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 44. Л. 303—304]. Главный интендант К. Н. Егорьев, передав в тот же день полученные данные военному министру М. А. Беляеву, делает вывод: «Из изложенного следует, что мясо, заготовленное в Сибири, будет полностью использовано для довольствия войск, и опасаться за сохранность его пока не приходится» [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Л. 51]. В свою очередь, 15 февраля военный министр сообщает главнокомандующему армиями Северного фронта Н. В. Рузскому, что мясо из Западной Сибири, Алтайского района и Монголии достанется его войскам, как только прибудет в Петроград [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Л. 53].

Сам генерал-майор П. К. Козлов, разумеется, также немало переживал о применении результатов деятельности своей Экспедиции. Так, 1 января 1917 г. он сообщал в Ставку Начальнику штаба Верховного главнокомандующего В. И. Гурко, что в заготовительную кампанию 1916 г. Отдел Заготовок требовал от «Особой» экспедиции усилить заготовки мяса и развивать деятельность. Это позволило закупить, забить и доставить на станции Китайской железной дороги 2,5 млн пудов «прекрасного и в то же время недорогого мяса». Отправка должна была начаться в конце октября, но поездов Центр не выделил, поэтому, как негодовал Козлов, «первосортное мясо, предназначавшееся фронту, я вынужден ликвидировать на местах с убытками для казны или уступать по предложению Отдела Заготовок частным фирмам, а также общественным организациям для вывоза в

Европейскую Россию». На 1 января оставалось еще миллион пудов мяса и 120 тыс. пудов сала, для вывоза каковых ежедневно должны подаваться 30 вагонов, а всего — 930 вагонов на Забайкальскую железную дорогу и 300 — на Восточно-Китайскую. В заключение П. К. Козлов напоминал, что «Экспедиция работала, помня завет Державного Вождя: снабжение фронта — „святое дело“» [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Л. 4—4 об.].

Сумев использовать слухи в том числе и о «гниющем мясе» в своих интересах, пришедшая в ходе Февральской революции к власти либерально-буржуазная оппозиция отнюдь не собиралась отказываться от ресурсов Сибири, Монголии и Северного Китая. Во-первых, уже в марте правительство поручило министру земледелия закупать в Маньчжурii пшеницу, чумизу, кукурузу и бобовое масло, дабы образовать запас продуктов не только для текущего довольствия фронта и тыла, но и для возобновления торговли с Европой после победы над Германией и ее союзниками. Как говорилось в циркуляре Министерства продовольствия, покупка зерна и муки необходима «в целях образования резерва для использования его по наступлении возможности вывоза в Европейскую Россию, где истощенные запасы хлеба не могут быть восстановлены немедленно даже и по окончании войны» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 1—3, 9 об.]. Такая мера была задумана еще при царском режиме — 9 января 1917 г. была поставлена задача закупить до 4 млн пудов пшеницы по цене не выше 1,60 руб. за пуд, но лишь Временное правительство приступило к ее практической реализации. Для работы в Маньчжурii была создана Особая закупочная организация во главе с уполномоченным по Акмолинской области А. В. Цеклинским и Д. И. Золотовым, занявшим пост уполномоченного министерства продовольствия в Маньчжурii по заготовке хлеба для армии и населения. К 10 июня Золотовым уже было закуплено 1,3 млн пудов пшеницы, 917 тыс. — муки-крупчатки, 198 тыс. — овса, 505 тыс. — проса, 349 тыс. — гречи, часть коих отправлялась в Забайкальскую область и в Иркутск [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 37 об.]. В июле Владивосток запрашивал министра продовольствия, «не будет ли признано необходимым срочно приступить к скупке всех пищевых продуктов в Маньчжурii и Монголии и продвижению их в Россию, пользуясь по возможности водными путями» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 32]. Наконец, уже 21 октября Амурской областной продовольственный комитет просил Временное правительство прислать валюту для закупки продовольствия, ссылаясь на рост конкуренции со стороны иностранцев [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 85].

Конечно, не была забыта и «Особая» экспедиция: в 1917 г. Временное правительство предполагало получить из Азии до 4 млн пудов мяса, хотя на деле было закуплено немногим менее объема 1916 г. Сменивший после Февральской революции П. К. Коз-

лова А. А. Дудукалов летом 1917 г. просил предоставить в распоряжение Экспедиции (теперь перешедшей в ведение Министерства продовольствия) не менее 5 млн рублей плиточным серебром, так как монголы отказывались принимать бумажные деньги в связи с падением курса русской валюты. В итоге русским приходилось платить китайскими ляннами (слиток в 98,5 % серебра), который по курсу 1907 г. составлял 1,41 русского рубля или 0,8 американского доллара. Сообщив эту информацию в правительство, 10 августа Отдел заготовки и снабжения мясом, салом и рыбой и организации холодильного дела Министерства продовольствия указывал, что в 1917 г. по причине быстрого падения курса рубля «монгольское население нередко стало отказываться принимать бумажные русские деньги, требуя уплаты серебром. Ввиду этого только предоставление в распоряжение Экспедиции плиточного серебра не менее чем на 5 млн рублей, могло бы спасти положение и дать возможность хотя бы отчасти выполнить задания, поставленные Экспедиции в текущем году». Самое главное — по существующим ценам на покупку скота пришлось бы потратить до 50 млн руб. кредитными билетами, между тем как серебра требуется лишь на 5 млн рублей. Если в 1913 г. русский рубль равнялся по стоимости 0,70 лянна серебра, то в июле 1917 г. — всего 0,13 лянна [Майский, 1921. С. 178]. Поэтому оплата закупок серебром, бесспорно, была гораздо выгоднее для русской стороны. Соответственно, по мнению Министерства продовольствия, отказ в предоставлении плиточного серебра повлечет за собой:

«1) почти полную остановку закупочных операций скота в Монголии»;

«2) громадные убытки казны и ущерб отечественному скотоводству от невозможности использования монгольских рынков»;

«3) сделает дальнейшее существование Монгольской Экспедиции едва ли целесообразным и, во всяком случае, вызовет неизбежность ликвидации ее работ в Монголии» [ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1527. Л. 1—2]. Так или иначе, деятельность Монголэкса продолжалась и после Октябрьского переворота, в годы гражданской войны, вплоть до 1920 г.

Таким образом, «Особая» Экспедиция стала одним из крупнейших звеньев в процессе огосударствления российской экономики периода Первой мировой войны — централизованные государственные закупки скота охватили собой почти всю Сибирь и сопредельные регионы других стран. По данным российских таможен, в 1916—1917 гг. из Монголии был вывезено на 6 млн руб. скота и более чем на 5 млн других продуктов животноводства [Лузянин, 2003. С. 70]. Монголэкс сыграл большую роль в снабжении мясом воюющей России, парадоксальным образом поспособствовав своей энергичной деятельностью распространению в центре страны антиправительственных слухов, что в конечном счете подготовили население к Февральской революции.

Использованная литература

- Бреславец, 1918: *Бреславец В. Н.* Снабжение армии и населения мясом. 1914—1918 год. М., 1918 (*Breslavets V. N.* Snabzheniye armii i naseleniya m'asom. 1914—1918 god. M., 1918).
- Даревская, 1994: *Даревская Е. М.* Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX—начале XX века. Иркутск, 1994 (*Darevskaya E. M.* Sibir' i Mongoliya: Ocherki russko-mongol'skich svyazey v kontse XIX—nachale XX vekov. Irkutsk, 1994).
- Журнал... 1917: Журнал Совещания в Ставке по вопросам снабжения армии 15—16 декабря 1916 г. [Б. м.], 1917 (*Zhurnal Soveshchaniya v Stavke po voprosam snabzheniya armii 15—16 dekabrya 1916 g.* [B. m.], 1917).
- Иконникова, 1999: *Иконникова Т. Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999 (*Ikonnikova T. Y.* Dal'nevostochnyi tyl Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny. Chabarovsk, 1999).
- Лузянин, 2003: *Лузянин С. Г.* Россия—Монголия—Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911—1946 гг. М., 2003 (*Luzyanin S. G.* Rossiya—Mongoliya—Kitay v pervoy polovine XX veka. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911—1946 gg. M., 2003).
- Майский, 1921: *Майский И.* Современная Монголия. Иркутск, 1921 (*Mayskiy I.* Sovremennaya Mongoliya. Irkutsk, 1921).
- Маслов, 1916: *Маслов С.* Наше сельское хозяйство и война. М., 1916 (*Maslov S.* Nashe sel'skoe hozyaystvo i voyna. M., 1916).
- Полонский, 1917: *Полонский Г.* Регулирующие мероприятия правительственной и общественной власти в хозяйственной жизни за время войны. Пг., 1917 (*Polonskiy G.* Reguliruyushchie meropriyatiya pravitel'svennoy i obshchestvennoy vlasti za vremya voyny. Pg., 1917).
- Свечин, 2005: *Свечин А. А.* Искусство вождения полка по опыту войны 1914—1918 гг. М., 2005 (*Svechin A. A.* Iskusstvo vozhdeniya polka po opyту voyny 1914—1918 gg. M., 2005).
- Тюкавкин, Шагин, 1987: *Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М.* Крестьянство России в период трех революций. М., 1987 (*Tyukavkin V. G., Shchagin E. M.* Krest'yanstvo Rossii v period tryoch revolyutsiy. M., 1987).

Список сокращений

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.
- ГАТО — Государственный архив Тульской области.

Maxim V. Os'kin

P. K. Kozlov's «special» Expedition to Mongolia during World War I (1915—1917)

The article deals with the history of the «Special» Expedition of the Ministry of Agriculture to Mongolia (Монголэкс) during World War I, connected with a mass purchase of cattle and meat. Amid the meat supply crisis in Russia, connected with the enormous consumption of meat products by the army, meat and cattle purchases in neighboring countries began to play a great role. The organization of Mongoleks, which was headed by the known Russian traveler and the expert on Central Asia colonel P. K. Kozlov, became the largest purchasing structure. As a result of the appropriate performance of the organization, the warehouses and stations of Eastern Siberia were stocked with meat that could not be shipped to European Russia in due time. The opposition used this fact in the race for power by spreading news in the press about meat allegedly «decaying» in the winter of 1917 beyond Ural. Anyway, the Russian purchases of products in Mongolia and Manchuria significantly smoothed the unfavorable development of the food crisis in Russia. The activity of Mongoleks allowed to supply meat to the Russian Siberia and partially — to the front of the Russian army.

Key words: «Special» Expedition, purchase of meat products, crisis of meat supply, Pyotr Kuzmich Kozlov.